

ПАРАДИГМАЛЬНЫЙ СТАТУС ОНТОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ «СМЕРТИ МЕТАФИЗИКИ»

А.В. Барковская

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь
barkovskaja2@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена феномену «смерти метафизики» как классического типа философствования, в пространстве которого исторически оформлялась онтология. Проблема соотношения предметных областей метафизики и онтологии всегда являлась достаточно актуальной, но в постклассике внимание переключилось на формирование неметафизической онтологии. В связи с этим современные стратегии философствования подвергли тотальной критике все установки метафизики и в результате их ревизии сформировались новая онтологическая проблематика на стыке философской антропологии, гносеологии и собственно онтологии. Расширилось онтологическое пространство и стали оформляться региональные (дисциплинарные) онтологии, со своими специфическими объектами, категориальным языком и типом реальности. Особую роль в динамике постметафизической онтологии играют информационные технологии с их виртуализацией и социальных коммуникаций, что порождает синдром «ускользающей социальности». В результате вопрос о социальности как таковой утрачивает свою онтологическую значимость.

Ключевые слова: метафизика; онтология; логика; философия; виртуальная реальность; «смерть метафизики»; «смерть социального».

PARADIGMATIC STATUS OF ONTOLOGY IN THE CONTEXT OF THE «DEATH OF METAPHYSICS»

A. V. Barkovskaja

Belarusian State University

Nezavisimosti av., 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The article is devoted to the phenomenon of the «death of metaphysics» as a classical type of philosophizing, in the space of which ontology was historically shaped. The problem of the relationship between the subject areas of metaphysics and ontology has always been quite relevant, but in the postclassic, attention has shifted to the formation of non-metaphysical ontology. In this regard, modern strategies of philosophizing have subjected to total criticism of all the installations of metaphysics and as a result of their revision formed a new ontological problems at the junction of philosophical anthropology, epistemology and ontology itself. The ontological space expanded and regional (disciplinary) ontologies began to take shape, with their specific objects, categorical language and type of reality. A special role in the dynamics of post-metaphysical ontology is played by information technologies with their virtualization and social communications, which generates the syndrome of "elusive sociality". As a result, the question of sociality as such loses its ontological significance.

Keyword: metaphysics; ontology; logic; philosophy; virtual reality; «death of metaphysics»; «death of the social».

В постклассической философии метафорой «смерть метафизики» подводят черту под всей метафизической традицией и открывают простор для тотальной критики всех ее претензий и предпочтений в многовековой интеллектуальной истории. Фактически низвергают «prima philosophia», с легкой руки А. Родосского позже названной метафизикой, в которой видели единственно свободную науку, должную существовать ради знания и понимания. Но она была философским первопроходцем, осмысливающим целостный мир, и для этого избрала спекулятивный путь построения великих системных конструкций, которые, по мнению Н. Гартмана, все рухнули, едва лишь критика слегка затронула их фундамент. Это, пожалуй, ее основная ошибка, за которой потянулся шлейф разных неприемлемых следствий с современной точки зрения. Констатация «смерти метафизики» – это и ярко выраженное желание потерять и забыть ее в прошлом времени, предать забвению ее идеалы и триумфы, и, наконец, установить границу, за которой возможна генеалогия постметафизической жизни философии. Правда, эти рубежи, оказалось, сложно определить и вот Ж. Деррида рассуждает: «Умерла ли философия вчера, после Гегеля, Маркса, Ницше или Хайдеггера – так что ей еще только предстоит направиться к смыслу своей смерти...» [1, с.124]. В этой неопределенности проявляется хитрость метафизики, она как птица Феникс постоянно возрождается, тем самым заявляя о своем бессмертии.

Акцентуация внимания на данном феномене не случайна, поскольку от судьбы метафизики зависит и статус современной онтологии, традиционно определяемой как учение о бытии или сущем. В принципе, вопрос о соотношении метафизики и онтологии не праздный, т.к. слишком долгое время они шли рука об руку, первоначально их предметные области вообще специально не дифференцировались, а наоборот отождествлялись. И только Х. Вольф по настоящему выделил онтологию в качестве самостоятельного раздела в целостной структуре метафизики. Ее, в некотором роде автономия, подтверждалась тем фактом, что онтология рассматривалась в качестве общей части метафизики, выводы которой являются необходимыми в отличие от выводов эмпирических наук. Однако И. Кант выдвинул контраргумент вольфианской позиции на том основании, что нельзя рассуждать о действительности самой «по себе», без субъекта, поскольку предмет познания находится не в бытии, а в понятиях и определениях и, таким образом, любое стремление построить только объективную онтологию является догматическим. В результате онтология, не уделявшая должного внимания субъективности, уступает место новой, гносеологически связывающей вопросы о бытии с решением проблем познания. Но это приводит к стиранию границ между учением о бытии и познании, а разделение проблем на онтологические и теоретико-познавательные приобретает достаточно условный характер. В этом случае сознание воспринимает себя как особое сущее, объективация которого возможна путем познания мира. Последующую развертку новая традиция приобретет в феноменологическом проекте Э. Гуссерля как логическом развитии кантовского трансцендентализма. Институализация теории познания привела к тому, что гносеологические и тео-

ретико-методологические программы стали определять лик этого исторического контекста. В результате компетенции онтологии сужаются, она из приоритетного философского учения проблемы существования реальности как таковой превратилась в периферийное и мало кому интересное философствование.

Вместе с тем судьба к онтологии оказалась более благосклонной, что особенно заметно на фоне усиливавшейся критики метафизики, ранее начатой И. Кантом, но с еще большим критическим запалом продолженной Г. Гегелем в пользу диалектики как теории развития. Свою задачу он видел в преодолении разрыва между онтологией и теорией познания, чтобы представить тождество бытия и мышления как диалектическое единство логики, онтологии и теории познания. На фоне негативного отношения к спекулятивной и догматичной метафизике, антропологических акцентуаций неоклассики, лингвистического поворота, антипсихологических настроений и других не менее важных тенденций постепенно начинается ренессанс онтологии. Становление новой парадигмы онтологии связывают с работами Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, М. Шелера, Н. Гартмана, для которых десубстанциализация метафизики стала «делом чести», т.к. открывала новые исследовательские просторы. Ошибка старой онтологии, питавшейся установками метафизики, по мнению Э. Гуссерля, как раз в том и состоит, что она, наряду с феноменами сознания, выявляет некие трансцендентные сознанию вещи, что приводит к удвоению реальности. Феномены - это то, что обнаруживает себя в себе самом, а не репрезентирует сущности, не совпадающие с ними. Сознание – не просто наиболее очевидная реальность, но реальность абсолютная, основание всякой реальности. В этом контексте любой предмет должен пониматься только как коррелят сознания, восприятия, сомнения и др. Онтология сосредоточила внимание на сфере тождественного и не включала в свой ареал нечто иное нетождественное, ограничив свои возможности и закрыв доступ к сфере становления.

Таким образом, «трансцендентальное изучение сознания – это не изучение природы и вообще не изучение мира, оно не может даже предполагать таковое в качестве своего условия, потому что при трансцендентальной установке природа и вообще вся вселенная принципиально заключаются в скобки» [2, с. 111]. В этом случае наблюдается возвращение взгляда от трансцендентного к его имманентным коррелятам, а феноменологическая редукция обеспечивает переход от онтического к онтологическому рассмотрению мира. У Гуссерля релятивным, а не безусловным основанием онтологии, является идея интенциональности, когда предметом становится любое сущее – материальное или идеальное, на которое она направлена. В рамках феноменологической онтологии выясняются формальные условия существования процессуальной данности предметов и тех отношений, благодаря которым и в формах которых они нам даны. Включением в структуры онтологии понятия жизненный мир Гуссерль показал, что он является интенциональным горизонтом любой практической и теоретической деятельности людей, их целеполаганий и оценок. Жизненный мир – и есть подлинная реальность. В современной философии феноменология рассматривается в качестве одной из ведущих онтологических стратегий.

М. Хайдеггер, хотя и не разделял установки трансцендентализма, но также стремился преодолеть умозрительно-спекулятивное философствование путем интерпретации бытия не как чего-то предметного, а как бытия человеческого существования на том основании, что истинная философия должна избегать противостояния субъекта и объекта, так как она произрастает из человеческого существования, а мир есть то, что неотделимо от существования. Суть в том, что познавательное и практическое значения приобретают не мир сам по себе, или «мир-в-себе», а мир, имеющий смысл для человека. В результате в «фундаментальной онтологии» осуществлен свой поворот к подлинным реалиям бытия. Инновационность экзистенциально-феноменологических проектов онтологии видится в том, что вопросы бытийственного характера освещаются с позиций разных горизонтов – времени (М. Хайдеггер), Ничто (Ж. П. Сартр), системы «Я-Другой-мир (М. Мерло-Понти). В этих подходах бытие предстает в качестве плюрального, разнородного, становящегося, которое невозможно без насилия подвести под некоторое единство и устранить существующие различия внутри него. Онтологическая картина как бы переворачивается, ибо различие предшествует тождеству, как и возможность – действительности, а человеческое существование становится истоком новой постановки вопроса о бытии. Ориентация постклассического мышления на иное тождественного создает условия для онтологии становления, логике которой доступен дифференцированный и процессуальный мир. Новая система онтологических категорий – «бытие-в-мире» (М. Хайдеггер), «бытие-в-себе – бытие-для-себя – бытие-для-других (Ж.-П. Сартр), «я-другой-мир», «видимое-невидимое бытие» (М. Мерло-Понти), «единичное множественное бытие» (Ж.-Л. Нанси) и др. – веское тому доказательство.

О радикальном пересмотре мыслительной традиции 150 лет назад писал и Н. Гартман, аргументируя свою позицию тем, что без онтологического обоснования все философские установки «провисают». Критический анализ онтологии как спекулятивной и догматической программы, априорный характер которой не вписывается в новые реалии, привел его к мысли, что ее необходимо развивать индуктивным путем, основываясь на опыте. При этом, как утверждал Гартман, задача «критической онтологии» предполагала осуществить анализ категорий как фундаментальных определений бытия внутри каждого из слоев и вскрыть их взаимосвязи и соотнесенность. Поэтому новая онтология исходит из той презумпции, что и «строение» (то, что обычно называют объектами) и «процессы» нужно рассматривать не в дихотомии, а как целостное образование. Гартман, на основании онтологического закона мировой взаимосвязи, выделяет четыре уровня реального бытия: физически-материальный, органически-живой, душевный, исторически-духовный. В этих образованиях способ сохранения осуществляется не через субстанциальность, а через внутреннее равновесие, регулирование или самодеятельное превращение. Это уже не субсистенция, а консистенция, результатом которой является хотя и не вечная, но достаточно долгая длительность для того, чтобы придать образованиям характер изменяющихся состояний (акциденций). Ее действие поэтому не содержится в причине, а «возникает заново». Отсюда и «новое понятие реальности», связанное «с временностью, процессностью

и индивидуальностью» [3, с. 321]. Несмотря на то, что в гартмановском варианте онтологии иногда усматривают переходную форму к научной онтологии и оценивают его позицию как «модернизированный аристотелизм», тем не менее, свою достойную лепту он внес в развитие философии становления.

Лингвистический поворот, в свою очередь, инспирировал эпистемологический антиреализм, ставящий под сомнение возможность непосредственного познания объектов внешнего мира в их сущностной изначальности (проблема «коперниканского переворота» Канта), и настаивающий на том, что реальность преломляется в сознании. Речь идет о том, что адекватное выявление структур мышления осуществляется благодаря анализу структур языка. Еще Л. Витгенштейн в «Логико-философском трактате» акцентировал внимание на том, что мысль - это всегда «осмысленное предложение» и философия должна сосредоточиться именно на его прояснении, поскольку предложение репрезентирует модель действительности, как мы ее себе мыслим. Ранее Г. Фреге полагал, что из предмета логики следует изгнать психологизм, который вносит в нее свои фальсификации, т. к. психологии «безразлично, могут или нет называться истинными продукты душевно-психических процессов, которыми она занимается. То, что истинно, не есть, стало быть, продукт наших душевно-психических процессов или активности нашего внутреннего мира; ибо продукт внутренней активности одного человека не есть продукт внутренней активности другого, сколь бы сходными они ни были» [4, с.288]. В отличие от нее, подчеркивает Фреге, «логику не интересуют мнимые мысли. ... Я называю мыслью смысл утвердительно-повествовательного предложения. Мыслями являются, например, законы природы, математические законы, исторические факты; все они находят свое выражение в утвердительно-повествовательных предложениях» [4, с. 309]. Мысль, по Фреге, представляет собой нечто объективное, особого рода абстрактный и по природе идеальный объект, и только такие объекты могут быть истинными. Таким образом, мысль является носителем истины.

Приведенные здесь концепции служат своеобразной иллюстрацией той философской динамики, которая сформировала новую конфигурацию когерентных отношений между онтологией, гносеологией и философской антропологией, что создает предпосылки для трансформации классической онтологии и формирования целого букета региональных онтологий. Каждая из них занята как экспликацией собственного категориального аппарата, так и решением конкретных задач в сфере своего анализа. Специфика онтологического знания связана с обоснованием принципов и начал действительности, позволяющих выявить ее истинную природу, не обращаясь к ней непосредственно. Таким механизмом является рефлексивный переход от описания естественной реальности с ее эмпирическими объектами к идеальным объектам мышления, работа с которыми позволяет сформулировать общие вопросы о существовании. Парадигма в онтологии зависит от установки сознания, что позволяет увидеть ту грань, которая отличает зависимость или дистанцирование от метафизических допущений, и тем самым определить с каким типом объектов имеет дело онтология. Постклассическая онтология базируется на установках сознания рефлексивного или феноме-

нологического типа и, естественно, мышление отвлекается от мира трансцендентных предметов и переключается на себя, на свои состояния, благодаря которым нам является то, что в естественной установке называлось миром вещей, существующих «самих по себе». Н. Гартман считал, что «онтология начинается в некоем положении по эту сторону содержания метафизических проблем... Для ее способа постановки вопросов совершенно неважно, существует ли некое «основание мира», обладает ли оно формой интеллигенции или нет, является ли строение мира осмысленным, а мировой процесс целенаправленным. Все это мало меняет в характере сущего как такового. Эти различия приобретают значение лишь при дальнейшем дифференцировании проблем [5, с.143].

В этом контексте онтология вправе претендовать на статус метафизической программы по отношению к собственным онтологическим допущениям, поскольку любая региональная парадигма сталкивается с необходимостью разработки стратегии исследования, формулировки исходных принципов при оформлении концептуальной матрицы объекта изучения и языка его репрезентации. Легитимация онтологии как метафизики в нынешнем ее понимании оправдана и по причине пока неясного статуса метафизики в структуре философского знания, поскольку в ее обновленном варианте хотят видеть некое новое и более инструментальное знание, не отягощенное прежним опытом. Понятно, что речь идет о парадигмальном статусе онтологии, а не о воспроизведении архитектоники классической метафизики, тем более, что кроме философской онтологии, функционируют и естественнонаучная, диалектическая, формально-логическая, виртуальная, социальная и т.д. В каждой из них есть свои предметные области и здесь важны те философские установки, от которых зависит ответ на вопрос: «Что, действительно, существует?». Адекватность ответа, его истинность зависит от системы принятых критериев, основными из которых, пожалуй, являются следующие: 1) экспликация природы объектов и их типов; 2) определение способа их существования; 3) установление типа связи между объектами. Эти критерии позволяют определить, с одной стороны, к какому классу отнести тот или иной объект (реальных или идеальных, конкретных или абстрактных и т.д.); с другой – установить связи между объектами (разного рода отношения, механизмы взаимодействия и др.). В этом случае категориальная система изначально задается как открытая, релятивная, комплементарная, описывающая разного рода отношения, взаимодействия и т.п.

В течение XX образ онтологии, конечно, изменился, но ее референтный статус сохраняется и сегодня, т.к. тематизация разных аспектов человеческого бытия и анализ конкретных форм опыта – задача непреходящего значения. Это особенно заметно на фоне цифровых технологий, т. к. уже второе десятилетие обсуждается ситуация (вначале с пафосом, а сегодня с содроганием), что под видом «общества знания» маскируется общество информации и автоматического машинного интеллекта, которому теперь нет нужды думать и говорить. В онтологическом смысле – это ориентация на «безбытийное, (пост-, над-) сознательное, бессмысленно-инструментальное коммуникационное мышление», т.к. «возникают люди без сознания, т.е. без чувств, души, смыслов и ценностей...», их

«будущий мир – виртуальная реальность. С «телами без органов» и «без пространства» [6, с. 45-47]. В этом контексте очередная метафора «конца сознания» предполагает определенные социально-онтологические основания, поскольку виртуализация социальных коммуникаций порождает синдром «ускользающей социальности». В этом контексте уже давно пишут о размывании устойчивых социальных объединений и текучести социальных структур постиндустриального общества. В результате наблюдают процессы «новой атомизации» и массовизации, диагностирующие «смерть социального» и исчезновение социальности как таковой. Фрагментация личной и общественной жизни, ориентация на немедленный успех по принципу «все и сразу», деградация социальных коммуникаций являются дополнительными маркерами этого феномена [см.: 7, с. 57-59]. Наконец, нельзя не вспомнить, что виртуализация приводит к «исчезновению реальности» в ее объективном природном смысле, поскольку те же компьютерные видеоигры никоим образом с миром природы не связаны. Там своя реальность и свои правила ее идентификации. Интересно то, что здесь реанимируется давняя метафизическая проблема, связанная с выяснением вопроса: на чем основана природа реальности – на идеях ума или она существует отдельно и независимо от знания и сознания? И сегодня метафизика находит способы заявить о себе, поэтому проблема ее смерти слишком преувеличена.

Тем не менее, какие бы трансформации с ней не происходили, понятно, что всеобъемлющая метафизика с ее выяснением абсолютного начала всего сущего «приказала долго жить». В современной философии сдвиг онтологической проблематики осуществляется в сторону попперизма и потенцирования, что расширяет пространство онтологии за счет актуализации массы специфических объектов, но как предметностей региональных (дисциплинарных) онтологий. Соответственно, парадигмальный статус философской онтологии в немалой степени связан с осмыслением характера взаимоотношений между собой этих разных региональных онтологий, их категориального языка и методологии онтологического познания. В этой связи вопрос о новом культурно-историческом типе метафизики, адекватном современным реалиям, по-прежнему, актуален.

Библиографические ссылки

1. Деррида Ж. Письмо и различие. М.: Академический проект, 2000. 495 с.
2. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М. : Дом интеллектуальной книги, 1999. Т. 1. 336 с.
3. Гартман Н. Старая и новая онтология // Историко-философский ежегодник. М. : Наука, 1988. С. 320-324.
4. Фреге Г. Логика / Логика и логическая семантика: Сб. трудов. М. : Аспект Пресс, 2000. 512 с
5. Гартман Н. К основоположению онтологии. СПб. : Наука, 2003. 640 с.
6. Кутырев В.А. Смотрите кто пришел... О конце сознания и начале мышления // Эпистемология и философия науки. М.: Канон+, 2007. Т. XIII, № 3. С. 49-52.
7. Смирнова Н.И. «Смерть социального» как вызов социальной эпистемологии // Эпистемология и философия науки. М. : Канон+, 2007. Т. XIII, № 3. С. 57-60.